

В.А. Ластовка

О ПРЕЗУМПЦИЯХ ПРИ БЕЗВЕСТНОМ ОТСУТСТВИИ

Томский государственный педагогический университет

В отечественной цивилистической науке вопрос о презумпциях при безвестном отсутствии лица дискутируется десятки лет [1]. Споры разгораются всякий раз в связи со сменой кодексов. В настоящее время кроме естественного интереса к новому ГК РФ добавляется необходимость осмыслить реалии. Ежедневно в стране пропадают люди в результате стихийных бедствий, техногенных катастроф, похищений. Официальной статистики на данный момент автор не имеет, а если бы она и была, то вряд ли что-либо изменилось по существу. Тенденция к увеличению числа лиц, без вести пропадающих, очевидна для всякого, кто об этом задумывается.

Вполне естественно, что заинтересованные лица обращаются к закону, оценивают эффективность имеющихся норм, на своих судьбах ощущают его несовершенство.

Нормы о безвестном отсутствии и объявлении умершим (ст. 42–46 ГК РФ), в сущности, мало изменились по сравнению с ГК – 64 г. Не все новеллы можно принять безоговорочно. В частности, ошибочным, на наш взгляд, оказалось решение о сроке, необходимом для объявления умершим при обычных обстоятельствах. Пятилетний срок сам по себе непривычен для этих отношений после устоявшейся практики применения нормы о трехлетнем сроке. Тем более сейчас, когда пошел процесс жестокой проверки каждой нормы. Выходит, что во многих случаях, связанных с исчезновением людей, близким родственникам, супругам, кредиторам на закон рассчитывать не следует, а нужно принимать какие-то свои, скорее всего далекие от закона, меры.

По-прежнему остается несовершенной норма, закрепленная в ч. 2 ст. 45 ГК. Для тысяч людей, и прежде всего родственников военнослужащих и иных граждан, пропавших без вести в связи с военными действиями, решение их проблем, обусловленных неопределенностью, затягивается на длительное время. Двухлетний срок, декларированный в этой норме, в действительности превращается в бесконечный. В обычное время, когда военные действия на территории нашей страны не велись либо не объявлялись, дефекты этого правила были не очень заметны, так как оно касалось узкого круга лиц. Сейчас пороки этой нормы у всех на виду, и необходимо их устранять. Представляется, что этим должны заниматься в первую очередь теоретики, работающие в области военного законодательства. У штатских цивилистов, не посвященных в содержание соответствующих документов, остается возможность только предложить раскрывать понятия, такие как “военные действия”, “вой-

на”, а также сопоставлять их с непреодолимой силой.

Во всяком случае актуальность норм о безвестном отсутствии обостряется, они проходят проверку самой жизнью. Поэтому есть основания рассчитывать на возобновление дискуссии о презумпциях. Разумеется, что основное об этом уже сказано нашими ведущими учеными, в частности О.С. Иоффе, С.Н. Братусем, М.С. Строговичем, В.А. Ойгензихтом, А.К. Юрченко и др. Они рассматривают презумпцию как многогранную категорию вслед за философами [2], отождествляя ее с предположением о существовании чего-либо, какого-либо факта при определенной типичной ситуации.

Правовую презумпцию как разновидность родового понятия (категории) сопоставляют с гипотезой, версией, аксиомой [3], различая при этом их процессуально- и материально-правовое значение. Для научного исследования отношений по безвестному отсутствию особенно важно разграничение презумпций по этому признаку. Наиболее точно определил различия между процессуальной и материальной презумпциями В.Д. Арсеньев. Они заключаются, по его мнению, в распределении ролей – в том, что факты, презюмированные в материальном праве, не подлежат доказыванию в процессе [4]. Развивая и конкретизируя эту мысль, А.К. Юрченко сделал выводы, которые сохраняют свое значение и в настоящее время. Презумпции имеют как процессуальное, так и материально-правовое значение. Процессуальное значение их заключается в правильном собирании, в правильной оценке доказательств для установления факта. Презумпция может быть ограничена процессуальной ролью, если исчерпает себя в процессе доказывания в результате установления факта или опровержения презумпции. Но когда не удалось собрать доказательства, “цепь доказательств замыкается при помощи презумпций, с учетом которых и выносится решение” [5]. Здесь презумпция выступает уже в материально-правовом качестве.

Возвращаясь к истокам старой дискуссии о презумпциях жизни или смерти при безвестном отсутствии, нельзя забывать о нормативной основе тех споров. Нельзя, следовательно, автоматически переносить и выводы на наш закон, науку и практику.

Действующие нормы ГК позволяют уверенно говорить только об одной презумпции – презумпции смерти, которая буквально обозначена в ч. 1 ст. 45. Причем речь идет только об исключениях из общего правила, когда **объявление умершим** возможно через шесть месяцев отсутствия. Эту презумпцию лег-

че понять и принять и, как представляется, почти невозможно опровергнуть. Презумпция смерти влечет за собой презумпцию прекращения правоспособности.

В то же время было бы нелогично отказываться от презумпции смерти в ситуациях, подпадающих под действие общего правила – отсутствие сведений о месте пребывания в течение 5 лет. Хотя в нашей нынешней неразберихе длительное отсутствие может

быть обусловлено всевозможными обстоятельствами, в том числе и уважительными.

Вопрос о презумпции жизни при безвестном отсутствии нуждается в научном обсуждении. Представляется, что в период от подачи заявления до вступления решения суда в силу действует презумпция жизни, являющаяся по своей роли процессуальной.

Литература

1. Новицкий И.Б. Безвестное отсутствие во время войны // Уч. зап. ВЮОН.– Вып. 3.– 1944.; Рейхель М.О. О применении ст. 12 ГК РСФСР (безвестное отсутствие в условиях военного времени) // Уч. зап. ВЮОН.– Вып. 3.– 1944; Братусь С.Н. Субъекты гражданского права.– М.: Госюриздат, 1950; Воложанин В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе // Автореф. канд. дисс.– Свердловск, 1953; Воложанин В.П. К вопросу о юридических предположениях в советском гражданском праве и процессе // Вопросы советского гражданского права и процесса. Уч. зап. Свердл. юр. ин-та. т.3 – М.: Юрид. лит., 1955; Юрченко А.К. Безвестное отсутствие по советскому гражданскому праву.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1954.; Иоффе О.С. Ответственность по гражданскому праву.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1955; Потюков А.Г. Безвестное отсутствие // Вопросы кодификации советского права.– Изд-во ЛГУ, 1957; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права.– М.: Юрид. лит., 1961
2. Смирнов Л.В. Категории вероятности // Вопросы философии.– 1958.– №12; Гнеденко Б.В. Курс теории вероятности.– М., 1961.; Визир П.И., Готт В.С., Урсул А.Д. Определенность, неопределенность и их взаимосвязь с другими категориями диалектики // Философские науки.– 1972.
3. Штейнберг А. Предположения как доказательство в гражданском процессе // Советская юстиция.– 1940.– №13; Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947; Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948; Левенталь Я.Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе. // Советское государство и право.– 1949.– №6; Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе.– М.: Госюриздат, 1951.; Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе.– М.: Изд-во АН СССР, 1973.
4. Арсеньев В.Д. О фактах, не подлежащих доказыванию в процессе уголовного судопроизводства // Правоведение.– 1965.– №1
5. Юрченко А.К. Безвестное отсутствие по советскому гражданскому праву.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1954.

Е.В. Скрынник

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПУБЛИЧНЫХ СЕРВИТУТОВ

Томский государственный университет

Потребность в использовании имущества собственника другими лицами существовала и будет существовать всегда. Однако юридические формы реализации этих потребностей различны. В гражданском праве регулирование отношений, возникающих по поводу использования чужого имущества, осуществляется посредством установления ограниченного вещного либо обязательственного права в отношении имущества собственника.

Основное отличие первого от второго заключается в том, что ограниченное вещное право может возникнуть без волеизъявления самого собственника, в силу возникшей необходимости со стороны управомоченного лица и для осуществления его интересов, которые не могут быть реализованы иным способом. Использование имущества собственника посредством норм обязательственного права основывается в первую очередь на волеизъявлении самого собственни-

ка и не ограничивается теми видами прав обязательственного характера, которые предусмотрены гражданским законодательством. В силу того, что ограниченное вещное право всегда суть обременение прав самого собственника и не всегда основывается на его волеизъявлении (например установление земельного сервитута), то во всех правовых системах, предусматривающих деление имущественных прав на вещные и обязательственные, действует принцип круга вещных прав, который заключается в том, что все виды вещных прав (в том числе ограниченных) должны быть предусмотрены в законодательстве и не могут устанавливаться по усмотрению сторон.

На сегодняшний день Гражданский кодекс РФ не содержит определения ограниченных вещных прав, как и единого определения вещных прав (в отличие от прав обязательственных), в нем также отсутствуют основные признаки ограниченных вещных прав,